

**Формирование социальных связей
в посольстве П. И. Потемкина
во Францию (1680–1682)***

Даниил Манин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Formation of Social Ties in P. I. Potemkin's Embassy
to France (1680–1682)****

Daniil Manin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Based on the extant complex of Russian and French sources, this article analyses the mechanisms of the formation of social ties of the Russian embassy in France in 1681. The embassy had both foreign policy and diplomatic significance for the representation of tsarist power and Russian culture in France: the envoys had not only to inform Louis XIV about the events in Eastern Europe, but also to get an overview of the French position on the preparation of the Perpetual Peace of Russia with the Polish-Lithuanian Commonwealth, the conclusion of the Russian-French trade treaty, and to ensure the recruitment of foreign specialists. The author examines the formation of relations in the context of the new diplomatic history, paying special attention to the problems of power representation, the personalities of diplomats and the cultural side of their mission. For the first time in historiography, the article characterises the whole complex of archival documents about the embassy, the peculiarities of the formation of social ties of the embassy participants necessary for the successful implementation of the

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01059 «Механизмы функционирования социальных связей в контексте государственного реформирования в России во второй половине XVII – начале XVIII в.».

** *Citation:* Manin, D. (2024). Formation of Social Ties in P. I. Potemkin's Embassy to France (1680–1682). In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 643–659. DOI 10.15826/qr.2024.2.900.

Цитирование: Manin D. Formation of Social Ties in P. I. Potemkin's Embassy to France (1680–1682) // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 643–659. DOI 10.15826/qr.2024.2.900 / Манин Д. Формирование социальных связей в посольстве П. И. Потемкина во Францию (1680–1682) // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 643–659. DOI 10.15826/qr.2024.2.900.

tasks of the diplomatic mission. The study is based on French court reports on ceremonies, notes of courtiers, internal correspondence of Russian and French diplomatic departments, materials of the Parisian periodical press, and reports of Russian envoys. Conclusions are drawn on the peculiarities of the strategies of the envoy P. I. Potemkin in establishing social relations, their significance for the development of Russian diplomacy, foreign policy, and cultural contacts with Western Europe, as well as on the peculiarities of the reflection of these relations in the surviving sources.

Keywords: Russian-French relations, representation of power, political elite, Moscow state, Peter Ivanovich Potemkin, Stepan Polkov

На основе сохранившихся комплексов русских и французских источников проанализированы механизмы формирования социальных связей русского посольства во Франции 1681 г. Посольство имело как внешнеполитическое, так и дипломатическое значение для репрезентации царской власти и русской культуры во Франции: посланники должны были не только уведомить Людовика XIV о событиях в Восточной Европе, но и получить представления о позиции Франции по вопросам подготовки Вечного мира России с Речью Посполитой, заключения русско-французского торгового договора и обеспечить найм иностранных специалистов. Формирование связей рассмотрено в контексте новой дипломатической истории с особым вниманием к проблемам репрезентации власти, личности дипломатов и культурной стороне их миссии. Впервые на основе всего комплекса архивных документов о посольстве характеризуются особенности формирования социальных связей участников посольства, необходимых для успешной реализации задач дипломатической миссии. В основу исследования легли французские придворные отчеты о церемониях, записки придворных, внутренняя переписка дипломатических ведомств России и Франции, материалы парижской периодической печати и отчетные документы русских посланников. Сделаны выводы о специфике стратегий посланника П. И. Потемкина по формированию социальных связей, об их значении для развития русской дипломатии, внешней политики и культурных контактов с Западной Европой, а также об особенностях отражения рассмотренных связей в сохранившихся источниках.

Ключевые слова: русско-французские связи, репрезентация власти, политическая элита, Московское государство, Петр Иванович Потемкин, Степан Полков

Дипломатические миссии в раннее Новое время имели особое значение для системы международных отношений. Обмен дипломатами и церемониал их приема фактически создавали поле международных отношений XV–XVIII вв. благодаря репрезентации каждого из правителей Европы через участие их представителей в дипломатическом церемониале, а также через неофициальную деятельность послов

и посланников, которая служила объектом пристального внимания принимающей стороны [Hennings, p. 7, 20; Bély, 1999, p. 7; Мазарчук, с. 287; Юзефович, с. 5–9]. Вследствие этого связи дипломата, механизмы их создания и репрезентации имели основополагающее значение для системы межгосударственных отношений, особенно между монархическими государствами, считавшимися большинством авторов XVII в. единственными долговременными политическими образованиями [Bély, 1999, p. 7]. Наиболее существенно это оказалось для России по причине того, что в XVII в. статус ее правителя в системе европейских государств не был окончательно определен, и способности его дипломатов к межкультурной коммуникации и репрезентации царя становились одним из важнейших факторов поддержания русско-французских контактов и обоюдного накопления информации. Значение этой культурной стороны дипломатии во многом раскрыто работами К. Дженсен на примере рецепции практик европейских театров [Jensen et al., 1999; Jensen et al., 2021, p. 88–92]. В представленной работе проведен анализ контактов посланников во Франции, как сугубо официальных и церемониальных, так и менее официальных и даже неформальных, бывших в центре внимания не только королевских дипломатических служащих, но и парижского высшего света. Это позволяет создать наиболее полное представление о социокультурных практиках и способах осуществления задач посольства. Интерес также представляют известия о контактах посланников с представителями светских, религиозных и научных кругов Парижа, что имело особое значение для эпохи накануне преобразований Петра I.

Изучение русского посольства 1680–1682 гг. во Францию, Испанию и Англию успешно реализуется благодаря разнообразию сохранившихся источников, среди которых статейный список посольства, допросные речи посланника Петра Ивановича Потемкина, расходные книги посольства, французские церемониальные документы, записки придворных и отчет о посольстве, опубликованный в журнале «*Mercure galant*». Информационный потенциал привлеченных источников позволяет не только получить представление о событиях посольства, но и выявить среди них наиболее герменевтически значимые, востребованные в разных ситуациях для упоминания и истолкования.

Ранее это посольство уже рассматривалось исследователями в контексте истории внешней политики России [Безобразов, с. 24–27; Флоря; Grönebaum, S. 86–92], истории дипломатии [Hennings, p. 105–106; Schaube, p. 376; Шикуло, с. 25, 103, 206] и культурной истории [Jensen et al., 2021, p. 236–238], но в задачи работ не входила реконструкция комплекса социальных связей и способов их формирования, присутствующих в документах.

До настоящего времени русские источники о посольстве сохранились в виде нескольких дел, среди которых выделяются статейный список, расходная книга, допросные речи и перевод с грамоты французского короля. Разнородность источникового комплекса свя-

зана с тем, что вернувшийся в Россию во время стрелецких волнений 1682 г. посланник П. И. Потемкин сдал статейный список лишь 8 апреля 1683 г. [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 71], а расходные книги – 20 ноября 1687 г. [Там же. Кн. 9. Л. 1 об.]. Это способствовало отражению в них разных реалий работы Посольского приказа. В связи с тем, что при русском дворе XVII в. существовали сомнения в достоверности статейных списков, они сохраняются и в современной историографии [см.: Юзефович, с. 292].

Сомнения, появившиеся в ходе допросных речей П. И. Потемкина, вызывал в том числе его статейный список, так как отставленный им от дел переводчик Ю. Гивнер в допросе заявил, что посланник, «приехав к Москве царскому величеству, ничто же ино, токмо самую ложь сказал, понеже путешествия свое повседневнога ничего не писал и писати не приказал», а также «клеветы и неправды царскому величеству приехал сюды к Москве известил де и сказал, и те на Москве составил все суть» [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 109]. Компаративный анализ отражения социальных связей в русских и французских источниках может стать основным доказательством достоверности соответствующих фрагментов статейного списка.

На протяжении XVII в. происходил процесс формализации приема русских дипломатов во Франции и закрепления в нем единых церемониальных норм. Поэтому посольство 1681 г. прибыло на уже подготовленную почву, и больших усилий посланников для формирования церемониала не потребовалось [Hennings, p. 59, 65; Schaub, p. 328]. Несмотря на то, что система рангов дипломатических представителей в России была формально идентична западноевропейской, во Франции ранг русских дипломатов зависел скорее от репрезентативности их посольства, чем от их русских титулов, в отличие, например, от Англии, где имело место полное соответствие [Юзефович, с. 51; Hennings, p. 102–105]. В частности, Андрей Андреевич Виниус, отправленный во Францию в 1673 г., был гонцом (*courrier*), а П. И. Потемкин и дьяк С. Полков имели ранг посланников, аналогичный французскому «*envoyé*» [Schaube, p. 376]. При этом Виниус был принят как посланник (*envoyé*) [Bibliothèque de l' Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 167], а П. И. Потемкин и дьяк С. Полков считались послами (*ambassadeurs*).

На момент прибытия в Кале посольская свита, согласно французским источникам, насчитывала 62 чел., за исключением официального издания «*La Gazette*», преувеличившего размер свиты до 80 чел. [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 105; Mercure, p. 236; Recueil des nouvelles, p. 116]. Наибольшее внимание французов привлекали посланники, репрезентировавшие монарха, и люди, владевшие иностранными языками. Согласно практикам русских дипломатических миссий, в посольство было направлено два посланника. Первым был стольник П. И. Потемкин, который уже в 1668 г. был первым посланником в миссии во Францию. Несмотря на то, что, по всей вероятности, он был обязан своей дипломатической карьерой А. Л. Ордину-Нащокину [Crummey,

р. 105; Jensen et al., 1999, p. 132], после смещения главы Посольского приказа дипломатическая карьера П. И. Потемкина не прервалась, а активно развивалась. Именно он стал одним из немногих дипломатов, повысивших в XVII в. свой наместнический статус: если в миссии 1668 г. ему был присвоен ранг наместника Боровского, то в 1681 г. он был отправлен в качестве наместника Угличского [Талина, с. 205]. Вторым посланником был дьяк С. Полков, также с посольством были отправлены пять дворян, в числе которых были сын первого посланника С. П. Потемкин, переводчик Посольского приказа Ю. Гивнер, толмач И. Тур, трое подьячих (Вонифатий Парфеньев из Малороссийского приказа, Степан Волков из Посольского и Епифан Протопопов из Поместного), торговый человек из Приказа большой казны и священник И. Михайлов [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 2, 61, 71; Там же. Кн. 9. Л. 17 об.].

Традиционной проблемой оставалось соотношение статуса первого и второго посланника, уже проявлявшееся в конфликте П. И. Потемкина с дьяком С. Румянцевым в 1668 г. [Эскин, с. 329]. Согласно письму Ж. Торфа, сопровождавшего посланников от границы, первый посланник сказал, что второй ему совсем «неровня», всего лишь дьяк (*chanselier*), а он – военный генерал, наместник и один из наиболее выдающихся людей государства [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 116], что дополнительно подчеркивало статус П. И. Потемкина для принимающей стороны. Иной оказалась его позиция, когда возник более официальный церемониальный конфликт по вопросу размещения посланников в каретах. Ориентируясь на прецедент 1668 г., принимающая сторона планировала разместить посланников в разных каретах: в первой – стольника П. И. Потемкина на наиболее почетном месте, слева от него – маршала Франции Ж. д'Эстре, напротив них – посольского интродуктора Ш. де Боннея и королевского дворянина Ж. Торфа, а во второй карете – дьяка С. Полкова и секретаря-проводителя Р. Жиро [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 55 об.; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 124r–125r; Mercure, p. 265]. В свою очередь, посланники настаивали, что должны ехать вдвоем в одной карете, потому что оба имеют статус посланника, но французская сторона подчеркивала слишком высокий статус маршала д'Эстре, чтобы он мог ехать на менее почетном месте, чем посольский дьяк [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 52–55; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 105; Mercure, p. 264]. Несмотря на в целом ограниченное значение местничества на дипломатической службе и его скорую отмену в 1682 г. [Эскин, с. 268–269], проблема репрезентации социального статуса в посольстве имела серьезное значение и в формализованных церемониях, где статус всех участников фиксировался как в русских, так во французских дипломатических документах, и Потемкин все же старался соблюдать равенство с Полковым.

Что касается посольской свиты – оба посланника следили за внешним видом ее членов, не только сами постоянно меняли одежду для оказания чести принимающей стороне [Mercure, p. 248–250], но и вы-

давали деньги на покупку новой одежды другим участникам посольства: священнику, толмачу и музыкантам [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 17 об.]. Также, согласно французским источникам, посланники следили за дисциплиной: сделали вместе со священником выговор С. Потемкину за бритье бороды [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 124] и приговорили одного из участников свиты к восьми ударам батогами за случайный выстрел из ружья [Mercure, p. 244]. Тем не менее, вокруг посольства был создан образ сплоченной посольской свиты, что для французов символизировало их застольный этикет, по которому посланники и их свита пили очень мало алкоголя, но зато из одного стакана, вероятно, демонстрируя царящее между ними единение [Mercure, p. 309–310].

Скорее всего, в реальности внутри посольской свиты существовали многочисленные конфликты. Так, переводчик посольства Ю. Гивнер, которого отставили от посольских дел в Амстердаме по дороге во Францию¹, утверждал, что скончавшийся в ходе миссии дьяк С. Полков мог засвидетельствовать халатный подход стольника П. И. Потемкина к ведению подневных записей, будущей основы для составления статейного списка [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 109], а сам П. И. Потемкин сообщал, что толмач И. Тур «беспреданно был пьян и в толмачестве негоден» [Там же. Л. 108], в связи с чем, например, «не доехав гишпанские границы, тот толмач напився пьян, королевскую лошадь с седлом потерял и сам было пропал» [Там же. Кн. 9. Л. 19 об.].

Тем не менее, отсутствие переводчика и толмача в глазах французов лишь сплотило миссию – в переводе участвовал не только нанятый в Голландии М. Комыцкий, но и знавшие латынь сын посланника С. Потемкин и «полковников сын» Е. Кро [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 107–108], а на королевской аудиенции – сопровождавший их Ж. Торф и оказавшийся при дворе Людовика XIV бывший царский врач Л. Рингубер [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 95а об.; Там же. Кн. 9. Л. 19; Mercure, p. 286]. Несмотря на более высокий статус П. И. Потемкина и его опыт, посланники со свитой могли совещаться по вопросам церемониала, например, в течение двух часов они обсуждали между собой возможность отправляться на конференцию к королевскому министру без личной встречи с королем, который отправил бы их на эту аудиенцию [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 130]. Представляется, что, несмотря на наличие отдельных конфликтов, деятельность посланников и самой свиты создавала благоприятный образ миссии, стимулировавший установление контактов с французской стороной.

В свою очередь, принятие посольства из России имело большое значение для королевской власти, и его прием должен был быть помпезным. [Bibliothèque de l' Arsenal. Ms 3859–3865. Fol. 445]. В связи с этим в обществе целенаправленно подогревался интерес к русской дипло-

¹ Он был оставлен из-за финансовых махинаций с наймом подвод, тайных переговоров с курфюрстом Бранденбургским, высказываний о нежелании возвращаться в Россию и угрозы застрелить посланника [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 70].

матической миссии. Практики приема русских посланников, сложившиеся в 1668 г., отличались как от практик приема прочих европейских послов, так и от церемониала для восточных посольств. Русские были освобождены от расходов на время пребывания во Франции, и их с почетом принимали во всех крупных городах, как и посольства «экзотических» восточных стран [Шикуло, с. 75; *Mercure*, p. 238].

Французы в этом вопросе ориентировались на русский дипломатический церемониал, отмечая, что великий князь традиционно сопровождает прибывших послов, а в издании «*Mercure galant*» даже связали это непосредственно с практикой назначения пристава (*Prfistaf*) [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 122; *Mercure*, p. 239–240]. На эту роль был назначен дворянин королевского дома Ж. Торф, командовавший в королевской гвардии и отличавшийся храбростью, в связи с чем считался самым достойным кандидатом, так как здесь нужно было демонстрировать твердость (*fermeté*) послам, не нарушая права народов (*droit des gens*) [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 142; *Mercure*, p. 241–242], которое традиционно распространялось на русские посольства в Европе [Henning, p. 51]².

На пути из Кале в Сен-Дени, откуда должен был происходить торжественный въезд посланников в Париж, Ж. Торф разрешал несущественные церемониальные вопросы, не требовавшие внимания церемониймейстеров, и организовывал торжественные церемонии в городах по маршруту следования посольства [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 105, 116, 131r]. Ж. Торф стал главным спутником русского посольства, сопровождая его как на формальных церемониях, так и при прочих их перемещениях, и посланники считали его первым приставом среди прочих [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 18–18 об.; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 126r]. Именно Ж. Торф был главным посредником в отношениях посланников и двора, потому что держал с ними постоянный контакт и вел переписку с государственным секретарем иностранных дел маркизом де Круасси [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 49, 96–97; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 117].

Согласно сообщению из «*Mercure galant*», посланники привязались к Ж. Торфу, и он был назначен далее для их сопровождения до границ Испании [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 125–126; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 131r; *Mercure*, p. 210]. Должность Ж. Торфа была достаточно престижной и щедро оплачивалась: сразу после назначения он получил расписку на 2 тыс. ливров для сопровождения послов [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 140], после отъезда посланников ему выплатили еще 4 тыс. ливров [Ibid. Fol. 143], кроме того, он получал подарки от посланников [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 33–34]. В будущем он закрепился в церемониале приема посольств из России, участвовал в церемониях 1685 и 1687 гг. в качестве пристава [Grönebaum,

² Концепция «права народов» («*jus gentium*») была распространена в Европе раннего Нового времени, являясь ранним вариантом современного международного права.

S. 168, 178–180], таким образом, контакты с русскими посольствами в 1680-х гг. стали важной частью его карьеры.

Своим вторым приставом посланники считали посольского интродуктора³ Ш. де Боннея [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 45–46]. Именно интродукторы отвечали за все контакты короля с иностранными посланниками, находившимися при французском дворе [Шикуло, с. 62]. Однако в случае русских посланников основную часть контактов обеспечивал Ж. Торф, а Ш. де Боннею оставалась их более официальная церемониальная сторона, связанная с основными дипломатическими церемониями Франции: торжественным въездом послов в Париж и официальными королевскими аудиенциями, а также с оформлением королевской грамоты к царю. Первая его встреча с посланниками произошла в Сен-Дени во время подготовки торжественного въезда посланников в Париж, где он попытался получить у них список с царской грамоты и запретил им использовать всех привезенных музыкантов при въезде [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 45–51 об., 75–77; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 123r; Mercure, p. 262–263].

Далее он сопровождал посланников на официальных церемониях (при въезде в Париж, на королевских аудиенциях), участвовал во всех официальных обедах, и именно он принес им королевские подарки [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 127; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 124–125, 132–132r; Mercure, p. 329–332]. В связи с его официальным положением при дворе посланники выдали ему собственные подарки, чтобы он в делах великого государя «всякое вспомогательство чинил» для укрепления дальнейших дипломатических контактов [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 18 об.]. Таким образом, в приеме русских посольств посольский интродуктор занимал менее значимое место, чем в приеме посольств из других европейских стран, из-за наличия постоянно сопровождавшего их Ж. Торфа, но именно интродуктор контролировал порядок официальных церемоний и получал за это подарки от посланников.

Согласно регламенту 1633 г., сопровождать посла в день его торжественного въезда должен был маршал Франции (*maréchal de France*) [Шикуло, с. 76]. В 1680-х гг. эта роль в отношении русских посольств закрепилась за маршалом Ж. д'Эстре (1624–1707), знаменитым французским адмиралом. Первая его встреча с участниками посольства произошла также в Сен-Дени как часть церемонии их официального въезда в Париж. П. И. Потемкин, основываясь на своем опыте посещения Вены, подготовился к приему д'Эстре: он выставил трубачей встречать маршала у кареты, дворян – у нижнего крыльца, а сами посланники встали на нижнем крыльце, подчеркнув его статус и сделав

³ *Introduteur des ambassadeur* – должность при французском дворе, в отличие от более ранней должности проводителя послов (*conducteur des ambassadeur*); главной целью интродуктора было вводить (*introduire*) дипломатов на аудиенцию к королю, а не сопровождать их (*conduire*). Из-за прямой связи этой должности с посещением короля она считалась во Франции более почетной, чем предшествующая [см. Шикуло, с. 197].

таким образом комплимент маршалу [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 54]. Они учли нюансы французского церемониала и дали возможность маршалу выбрать кресло, а после поблагодарили д'Эстре за сопровождение на посольский двор и проводили его до нижнего крыльца [Там же. Л. 56 об.]. Он также сопровождал их на всех официальных аудиенциях, несмотря на то, что по правилам французского церемониала они могли затребовать для сопровождения принца крови [Mercure, p. 275; Шикучо, с. 76]. Именно маршал оставался самым знатным человеком среди тех, кто сопровождал русских послов, и статусные отношения с ним имели особое значение. Соблюдение ими в отношении него не только церемониала, но и этикета было важным фактором в формировании их образа и дипломатического успеха миссии.

С маршалом они обсуждали увлечения и характеры своих монархов, которых репрезентовали, и проводили между ними аналогии. В разговорах был затронут вопрос размеров царской армии. Посланники заявили, что у царя многие тысячи служилых людей могут быть собраны в краткие сроки, среди них около 50 тыс. надворной пехоты⁴ в Москве, а всего в Чигиринских походах, по их словам, участвовало около 300 тыс. чел. [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 100 об. – 102 об.]. Это впечатлило д'Эстре, который выдвинул предположение, что в союзе с королем такая армия могла бы представлять опасность для султана, и подчеркнул вероятность ответного французского посольства [Там же. Л. 103–104]. В целом антиосманский образ России, вероятно, был наиболее востребован в Европе [см.: Шамин, с. 254], и антиосманская направленность миссии благоволила его использованию [Флоря]. Поэтому для статейного списка мог быть наиболее востребован именно этот диалог, соответствовавший, по-видимому, не столько заблуждению служителей Посольского приказа в отношении антиосманского единства внешней политики Европы, сколько демонстрации культурно-религиозной общности европейских христианских стран и России, противопоставленных государствам иноверцев [Мазарчук, с. 285].

Менее регулярные одноразовые контакты связывали посланников с фигурами королевского двора, задействованными в официальном придворном церемониале. Центральной фигурой церемониала был сам король, и посланники стремились подчеркивать направленность своей миссии именно к нему: они, как было традиционно для русских дипломатов, не посещали прочих придворных и до отпускной аудиенции практически не покидали посольского отеля [Mercure, p. 273–274, 294; Юзефович, с. 176–178], добивались отдельной встречи с королем даже перед аудиенцией у государственного секретаря иностранных дел, а также на церемонии посольского въезда, где были задействованы исключительно королевские кареты, без карет принцев

⁴ Статейный список составлялся в 1682 г., когда стрельцы получили этот официальный статус.

[AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 132r; Mercure, p. 265]. Королю предназначались не только официальные дипломатические дары, но и личные подарки от участников дипломатической миссии [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 132r]. Людовик XIV сам старался идти на компромиссы в отношениях с московскими посланниками: он снимал шляпу при произнесении царского имени, предложил встать с трона, когда передадут письмо, чтобы подчеркнуть уважение к царю, похвалил ткань, поднесенную от имени сына посланника. Он также позволил целовать свою руку не только посланникам, но и нескольким дворянам и секретарю⁵, а в день их аудиенции у государственного секретаря иностранных дел маркиза де Круасси согласился лично встретиться с посланниками [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 75–79 об.; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 128–132r; Mercure, p. 286–291, 298–299, 302].

Честь посланникам оказывал не только король, но и его двор. В целом во время официальных аудиенций русские дипломаты могли наблюдать большинство значимых французских придворных: в Версале они были приняты обер-церемониймейстером Бленвиллем и церемониймейстером де Сенкто у входа, а также капитаном французской гвардии герцогом де Дюрасом, которым пожали руки [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 54; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 126r, 132; Mercure, p. 283–284]⁶. В зале аудиенции с королем присутствовали дофин, герцог и принц де ля Рош, герцог Орлеанский, принц де Конти и герцог де Вермандуа, а также первые камер-юнкеры [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 127, 132].

После первой и отпусковой аудиенций состоялись торжественные ужины для всей их свиты: в первый раз в Версале, во второй – на польском дворе, где контакты с частью придворных продолжались [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 127; AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 131; Mercure, p. 300–304]. Организация столов имела большое значение в русском церемониале [Юзефович, с. 183, 185, 189], и особое внимание французов к этой стороне миссии способствовало формированию представлений об успешности посольства. На протяжении всей миссии их сопровождал А. де ла Гард для оплаты их трат и организации приемов пищи, а в резиденции чрезвычайных послов в Париже на протяжении трех дней их столами специально занимался королевский метрдотель Ж. де Франсин [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 57–57 об.; Mercure, p. 243, 272–273].

По итогам миссии на королевскую службу был временно привлечен в качестве переводчика бывший царский врач Л. Рингубер, ранее предлагавший Людовику XIV оставшийся не востребовавшимся проект обращения России в католичество [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 106–111;

⁵ Аналогичная традиция существовала и в Австрии, Англии и Дании [см.: Гуськов, с. 116] и была хорошо известна в России: см.: [Юзефович, с. 183, 185, 189].

⁶ Рукопожатие также было распространено в русских дипломатических практиках, см.: [Юзефович, с. 188].

Pierling, p. 59–79]. Присутствие русских посланников смогло подтвердить знание им русского языка и правдивость истории о лечении царя. В дальнейшем он не остался при королевском дворе, хотя получил вознаграждение и подарки посланников за свою деятельность [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 9. Л. 19; Pierling, p. 79].

Значимой фигурой для дипломатической миссии посланников был государственный секретарь иностранных дел Ш. Кольбер де Круасси, младший брат генерального контролера финансов Ж.-Б. Кольбера, с которым П. И. Потемкин вел переговоры в 1668 г. Маркиз не только занимался организацией приема посланников, выделяя деньги на их содержание и подготавливая подарки, но и был главной фигурой в торговых переговорах, которые посланники должны были провести с министрами короля [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 125–126; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 130r, 139]⁷. Именно он был ответственен за подготовку официальной ответной грамоты и в связи с этим много контактировал с русскими дипломатами по вопросам написания царского титула [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 95а–97 об.]. Посланники были недовольны снижением статуса переговоров с министрами, так как в 1668 г. такие переговоры проходили в присутствии трех министров, к тому же они отказались идти к маркизу после первой аудиенции из-за того, что его апартаменты находились в другом здании дворца, а впоследствии отказывались посещать аудиенцию без встречи с королем [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 75–79 об.; ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 129–130; Mercure, p. 298–299].

Встреча полностью соответствовала правилам церемониала и этикета. Маркиз, оказывая почести посланникам, встретил их на нижнем крыльце, шел на менее значимом месте за ними и в палате слева от обоих посланников, а после аудиенции проводил их до места встречи [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 81. Mercure, p. 298–301]. Однако вопреки посольскому наказу и дополнению к нему, уделявшим большое внимание торговому проекту, реальное его обсуждение продлилось не более двух часов, и результаты представлялись французам сомнительными [ААЕ. СР. Russie. Vol. 1. Fol. 132r; Mercure, p. 298–301]. Несмотря на то, что посланники, согласно статейному списку, хорошо представляли себе значение маркиза де Круасси для французской внешней политики и выдали ему и его секретарям дорогие подарки [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 134; Там же. Кн. 9. Л. 18 об. –19], встреча с ним имела ограниченное значение для решения внешнеполитических задач: не прояснились ни перспективы развития торгового проекта, ни позиция Франции по вопросам заключения Вечного мира между Россией и Речью Посполитой, что вызвало недовольство Посольского приказа [Там же. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 64].

⁷ Переговоры должны были быть проведены именно с министрами, обсуждение вопросов торговли с монархом, которое посланники провели в Испании, было осуждено в Посольском приказе [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 96].

В процессе официального взаимодействия обе стороны демонстрировали знание церемониальных и этикетных правил и использовали их для различных целей. Встречи способствовали получению информации о французской политике, репрезентации русского монарха и подкреплению статуса французского короля, принимавшего посольства из отдаленных стран. Однако взаимодействие для решения других значимых дипломатических задач оставалось затрудненным: не была подготовлена грамота с признаваемым верным написанием царского титула, а переговоры с государственным секретарем иностранных дел не дали информации ни о перспективах развития торгового проекта, ни о французской политике в отношении Восточной Европы.

Очевидно, борьба за статус в дипломатии раннего Нового времени часто могла быть более значимой, чем реальные результаты переговоров [Hennings, p. 62], посланники для сохранения возможности коммуникации все же шли на излишние уступки, которые не были по достоинству оценены в Посольском приказе. П. И. Потемкин принял неправильную ответную королевскую грамоту, в которой отсутствовал титул «великий государь», чтобы царя с королем «не ссорить вечно, да и для де того, что король французской в тех во всех государствах отменно ныне славен, воинских людей у него в зборе много, и богатство у него великое, и всех тамошних стран короли, и курфюрсты, и владетели зело опасны от него и дружбы в нем ищут» [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Л. 85]. Впоследствии это потребовало работы Посольского приказа над возвращением царского статуса в официальные документы [Там же. Кн. 11. Л. 44 об.].

Большее значение для развития дипломатии имели менее официальные социальные связи, сведения о которых содержатся в отчете о приеме посланников в журнале «*Mercure galant*»⁸. Сам факт прибытия посланников вызывал ажиотаж в Париже, и к ним было привлечено внимание парижского высшего света [Mercure, p. 228]. Пользуясь этим вниманием, посланники активно создавали свой образ.

Прежде всего они стремились показать свою связь с христианским миром в соответствии с, вероятно, существовавшим в Посольском приказе проектом русско-французского сближения против османской угрозы [Флоря]. Накануне торжественного въезда в Париж они посетили аббатство Сен-Дени и осмотрели там гробницы и реликвии, подчеркнув поведением общность христианской веры [AAE. CP. Russie. Vol. 1. Fol. 123r; Mercure, p. 251–256]. В Париже они наблюдали торжество на Вознесение и посетили покои каноника парижской церкви, где ознакомились с присланной аббатом Шателеном священной книгой

⁸ «*Mercure galant*» был периодическим изданием, в которое читатели могли присылать свои материалы, в связи с чем оно имело популярность в светском мире как дайджест происходивших событий [см.: Schuwey, p. 466–467]. Фрагмент заметки был также опубликован в «*La Gazette*», но там он включал в себя только официальную часть: сообщения о прибытии посланников и описание их аудиенций у короля [Recueil des nouvelles, p. 116, 288, 299–300, 311].

на церковнославянском языке, осмотрели картины на религиозные сюжеты и заслушали литургию на почетных местах около алтарной преграды [Mercure, p. 323–328]. Посланники не ограничивались наблюдением христианского окружения, но и создавали собственное сакральное пространство: П. И. Потемкин демонстрировал привезенный им отщеп животворящего креста, а в резиденции чрезвычайных послов он подготовил аналог алтаря [Mercure, p. 259, 269–270].

Помимо апелляции к традиционному христианскому единству, посланники пытались актуализировать его в контексте современной дипломатической ситуации в Европе. В Сен-Дени у гробницы маршала де Тюренна они обратили внимание, что даже в Москве известны его достижения и именно он мог бы командовать войсками всех князей мира на войне с турками. На следующий день их посетил племянник скончавшегося маршала, которого посланники встретили со слезами на глазах, выразив сомнение в том, что земля может породить еще одного столь выдающегося человека [Ibid., p. 251–253]. Это была не единственная встреча посланников с представителями парижского света, несмотря на то, что они не посещали никого из французских придворных. В Париже многие дворяне приходили смотреть на их ужины [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 58]⁹. Среди их посетителей инкогнито были мадам д'Эстре и мадам де Тьянж¹⁰, о визите которых П. И. Потемкин был проинформирован заранее. После ужина он поднялся, снял шляпу и поднял тост за их здоровье, а также пригласил посмотреть из окон концерт, который привезенные посольством музыканты дали в саду [Mercure, p. 307–309]. Таким образом, посланники выполняли функции, схожие с аналогичными у современных им западноевропейских дипломатов, активно участвовавших в светской и культурной жизни принимающей страны [Bélu, 1990, p. 391].

Это участие проявилось в посещении спектакля по пьесе Т. Корнеля «Незнакомец» («L'Inconnu»), что соответствовало широким представлениям П. И. Потемкина о современном европейском театре [Mercure, p. 306–307; Jensen et al., 2021, p. 236]. Вероятно, известия о посещении театра не вошли в статейный список в связи со снижением внимания к театральным представлениям в России после смерти царя Алексея Михайловича. Также на складе мебельных мануфактур в Гобеленах посланники встретились с французскими художниками, в частности с Ш. Лебреном, высоко оценив его полотна и пожелав ему долгой жизни на службе такого выдающегося монарха, отметив, что история не знает такого же гениального художника, как он [Mercure, p. 333–339].

Еще более знаковым стало посещение П. И. Потемкиным вместе с сыном и частью свиты парижской обсерватории, где их принимал

⁹ Именно ужин был временем светских визитов в парижском обществе, см.: [Lilti, p. 65].

¹⁰ Мадам д'Эстре была супругой сопровождавшего посольство маршала, а мадам де Тьянж – сестрой мадам де Монтеспан, одной из наиболее знаменитых фавориток Людовика XIV.

знаменитый астроном Дж. Кассини, показавший им модель Луны с рельефом, эффект увеличивающих линз, глобусы с расположением Парижа, Москвы и Иерусалима, а также предоставивший им возможность рассмотреть в телескоп известные планеты солнечной системы и часть звезд. Сначала П. И. Потемкин, осмысляя увиденное, много ссылался на священные тексты с их непостижимым смыслом, а также на греческую книгу небесных иерархий, спросив о наличии ее перевода в Париже. Однако позже он больше задавал вопросы по астрономии и географии, ответы на которые слушал вместе с сыном крайне заинтересованно, а в конце заявил о крайней несправедливости того, что он так поздно узнал о таких красивых вещах [Mercure, p. 317–322]. Эта любознательность (*curiosité*) посланника была крайне близка французскому светскому миру XVII в. и делала посольство еще более интересным для читающей и салонной публики [Mercure, p. 334; Lilti, p. 265].

С помощью установления контактов П. И. Потемкин осознанно создавал образ общительного человека, благодаря чему некоторые социальные связи казались окружавшей его публике основанными на личной привязанности. В 1681 г. публике личными представлялись контакты посланников с приставом Ж. Торфом, которого они приглашали на празднование Пасхи и которому даже подарили красные пасхальные яйца [Mercure, p. 210, 245–246]. Другим личным контактом выглядел для парижан сопровождавший дипломатов придворный художник А. Бенуа, который подготовил их портреты и прославился именно за счет королевской привилегии на создание восковых фигур дипломатов [Mercure, p. 210–211; Hennings, p. 36]. Благодаря установленным связям посланники получили информацию об опасениях относительно внешней политики Франции, существовавших среди соседних с ней государств. При этом создание контактов не помогло дипломатам нанять во Франции докторов для царской семьи, что было одной из основных целей миссии [РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 7. Л. 133 об.; Там же. 1681 г. Д. 1. Л. 103].

Посланники не добились успеха в осуществлении всех задач посольства, несмотря на это, их стратегии по созданию связей стали важной частью формирования образа «просвещенного москвитя», подготовившего французскую публику к известиям о европеизации России при Петре I [Мезин, с. 109]. Светская жизнь Парижа была слабо отражена в отчетной документации посланников, но это не исключает неформального хождения сведений о ней. Установление связей с русским посольством не только увеличивало престиж французской монархии, но и способствовало карьере отдельных придворных, таких как Ж. Торф и художник А. Бенуа, и в меньшей степени – Л. Рингубера, получившего вознаграждение за переводческую деятельность, и маршала Ж. д'Эстре, получавшего от посланников щедрые подарки.

Сопоставление сведений о контактах русских посланников с французскими придворными из русских и французских источников может служить доказательством высокой степени достоверности ста-

тейного списка и расходных книг П. И. Потемкина. Практически все контакты посланников, имевшие значение для Посольского приказа, были отражены в русских источниках, вопреки обвинениям Ю. Гивнера в их вымышленном характере.

Знание церемониала и этикета, способности к репрезентации своего монарха по европейским правилам, а также возможности для завязывания знакомств с иностранными придворными, деятелями культуры и учеными создавали почву для будущих контактов в разных сферах и раскрывали потенциал русского придворного общества и культуры XVII в. к более активному взаимодействию с иностранными традициями, что станет важным фактором успешного реформирования в эпоху Петра I.

Библиографические ссылки

Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М. : Университет. тип., 1892. 468 с.

Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I : Источниковедческое исследование. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2005. 398 с.

Мазарчук Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2021. Т. 66, № 3. С. 283–292. DOI 10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292.

Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 212 с.

РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1681 г. Д. 1. Кн. 7, 9, 11.

Талина Г. В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. М. : Прометей, 2012. 230 с.

Флоря Б. Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. 2018. Вып. 79 (2). С. 139–146. DOI 10.7868/S0131878018020071.

Шамин С. М. Иностранные памфлеты и курьезы в России XVI – начала XVIII столетия. М. : Весь мир, 2020. 392 с.

Шиколо М. И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2016. 277 с.

Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2018. 518 с.

Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.

AAE. Correspondence Politique (CP). Russie. Vol. 01.

Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris : Fayard, 1990. 908 p.

Bély L. La société des princes. Paris : Fayard, 1999. 651 p.

Bibliothèque de l'Arsenal. Ms 3859–3865. «Mémoires du baron de Breteuil».

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia, 1613–1689. Princeton ; N. Jersey : Princeton Univ. Press, 1983. 315 p.

Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa, die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1968. 234 S.

Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2016. 297 p.

Jensen C. R., Maier I., Shamin S., Waugh D. C. Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2021. 295 p.

Jensen C., Powell J. 'A Mess of Russians Left Us but of Late': Diplomatic Blunder, Literary Satire, and the Muscovite Ambassador's 1668 Visit to Paris Theatres // Theatre Research International. 1999. Vol. 24, № 2. P. 131–144.

- Lilti A. *Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*. Paris : Fayard, 2005. 568 p.
- Mercure galant. 1681. Mai.
- Pierling P. *Saxe et Moscou : un médecin diplomate*, Laurent Rinhuber. Paris : Émile Bouillon, 1893. 230 p.
- Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires / ed. par E. Renaudot. Paris : Bureau d'adresse, 1682. 760 p.
- Schaub M.-K. *Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIIe siècle // L'incident diplomatique XVIe–XVIIIe siècle*. Paris : Éd. A. Pédone, 2010. P. 323–343.
- Schaube M.-K. *Se comprendre avec difficulté: les pratiques russes de négociations à l'époque moscovite // Negociar en la Edad Media = Négociar au Moyen-Âge*. Barcelone ; Madrid : Institucion Milà y Fontanals, 2005. P. 369–387.
- Schuwey C. *Écrire et diffuser la généalogie : les (r)évolutions médiatiques du Mercure galant // Dix-septième siècle*. 2020. № 3 (288). P. 459–472. DOI 10.3917/dss.203.0459.

References

- AAE. *Correspondence Politique (CP)*. Russie. Vol. 01.
- Bély, L. (1990). *Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV*. Paris, Fayard. 908 p.
- Bély, L. (1999). *La société des princes*. Paris, Fayard. 651 p.
- Bezobrazov, P. V. (1892). *O snosheniyakh Rossii s Frantsiei* [On Russia's Relations with France]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 468 p.
- Bibliothèque de l'Arsenal*. Ms 3859–3865. «Mémoires du baron de Breteuil».
- Crummey, R. O. (1983). *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia, 1613–1689*. Princeton, N. Jersey, Princeton Univ. Press. 315 p.
- Eskin, Yu. M. (2018). *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv.* [Essays on the History of Mestnichestvo in Russia in the 16th–17th Centuries]. Moscow, Kvadriga. 518 p.
- Florya, B. N. (2018). *Proekt russko-frantsuzskogo soyuza 1680 goda protiv osmanov* [Project of the 1680 Russo-French Alliance against the Ottomans]. In *Srednie veka*. Iss. 79 (2), pp. 139–146. DOI 10.7868/S0131878018020071.
- Grönebaum, F. (1968). *Frankreich in Ost- und Nordeuropa, die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 234 S.
- Gus'kov, A. G. (2005). *Velikoe posol'stvo Petra I. Istochnikovedcheskoe issledovanie* [The Great Embassy of Peter the Great. A Source Study]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 398 p.
- Hennings, J. (2016). *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. N. Y., Cambridge Univ. Press. 297 p.
- Jensen, C. R., Maier, I., Shamin, S., Waugh, D. C. (2021). *Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 295 p.
- Jensen, C., Powell, J. (1999). 'A Mess of Russians Left Us but of Late': Diplomatic Blunder, Literary Satire, and the Muscovite Ambassador's 1668 Visit to Paris Theatres. In *Theatre Research International*. Vol. 24. No. 2, pp. 131–144.
- Lilti, A. (2005). *Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*. Paris, Fayard. 568 p.
- Mazarchuk, D. V. (2021). "Novaya diplomaticheskaya istoriya": stanovlenie, napravleniya issledovaniya i perspektivy razvitiya ["New Diplomatic History": Formation, Directions of Research, and Prospects of Development]. In *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk*. Vol. 66. No. 3, pp. 283–292. DOI 10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292.
- Mercure galant*. (1681). May.
- Mezin, S. A. (1999). *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 212 p.

Pierling, P. (1893). *Saxe et Moscou : un médecin diplomate*, Laurent Rinhuber. Paris, Émile Bouillon. 230 p.

Renaudot, E. (Ed.). (1682). *Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires*. Paris, Bureau d'adresse. 760 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 93. List 1. 1681 year. Dos. 1. Books 7, 9, 11.

Schaub, M.-K. (2010). Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIe siècle. In *L'incident diplomatique XVIe–XVIIIe siècle*. Paris, Éd. A. Pédone, pp. 323–343.

Schaube, M.-K. (2005). Se comprendre avec difficulté: les pratiques russes de négociations à l'époque moscovite. In *Negociar en la Edad Media = Négociar au Moyen-Âge*. Barcelone, Madrid, Institucion Milà y Fontanals, pp. 369–387.

Schuwey, C. (2020). Écrire et diffuser la généalogie : les (r)évolutions médiatiques du Mercure galant. In *Dix-septième siècle*. No. 3 (288), pp. 459–472. DOI 10.3917/dss.203.0459.

Shamin, S. M. (2020). *Inostrannye pamflety i kur'ezy v Rossii XVI – nachala XVIII stoletiya* [Foreign Pamphlets and Curiosities in Russia in the 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, Ves' Mir. 392 p.

Shikulo, M. I. (2016). *Diplomaticheskii tseremonial kak sposob reprezentatsii korolevskoi vlasti vo Frantsii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII v.* [Diplomatic Ceremonial as a Way of Representation of Royal Power in France in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 277 p.

Talina, G. V. (2012). *Namestniki i namestnichestva v kontse XVI – nachale XVIII veka* [Viceroys and Viceroyalty in the Late 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, Prometei. 230 p.

Yuzefovich, L. (2007). *Put' posla. Russkii posol'skii obychai. Obikhod. Etiket. Tseremonial* [The Way of the Ambassador. Russian Ambassadorial Customs. Everyday Life. Etiquette. Ceremonial]. St Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 344 p.

The article was submitted on 29.11.2023